

«Он выступает как человек перед людьми — ничего больше <...> Радищев хотел быть страшно откровенен с читателем<...> надеялся на то, что откровенность, т. е. сила личного убеждения, сила душевного напряжения, вылившегося в слове, найдет пути к чужим душам»,²⁸ ко всем.

Посвятив «Путешествие» А. М. Кутузову, Радищев сразу же заявил о своих разногласиях с ним, и довольно резко: «...мнения мои о многих вещах различествуют с твоими» (I, 227). Постоянное ощущение оппонента, его скептически-недоверчивого взгляда, тревожное ожидание возражений, полемика скрытая и явная рождали напряженную ответственность за каждое слово: оно произносилось в расчете на присутствие инакомыслящего. Самое обращение к А. М. Кутузову — «любезнейшему другу» — не единственное и даже не определяющее, а лишь одно из многих и довольно редкое в книге Радищева. Однако, почти исчезнув из диалога с Кутузовым, это высокое и священное для писателя понятие — «друг» — не ушло из «Путешествия» вовсе. Будучи синонимом понятия «политический единомышленник», оно оказалось связанным с другими героями. Парадоксально, по в пути, на почтовом тракте Петербург—Москва, герой Радищева неожиданно сталкивается с людьми, уже ему известными, гораздо чаще, чем с незнакомцами. Поразительна настойчивость, с которой писатель повторяет мотив «случайной встречи» Путешественника с «давнишними приятелями», «искренними друзьями»²⁹ — или с их мыслью, словом.³⁰ Эта «случайность» нарочита. Но именно она обнаруживает, что в «Путешествии», как и в «Письме к другу», дружба является необходимой предпосылкой, главным условием диалога на общественно-политические темы. Вне этой столь свойственной письму атмосферы интимного признания нет революционной проповеди писателя.

И когда в «бесчувственных стенах» Петропавловской крепости, ожидая смертной казни, мучимый страхом, что его не поймут («лишенный утешения загладить мой против их (детей, — Р. Л.) проступок»), прежде чем уйти из жизни, он предпримет попытку рассказать о себе правду, его «томящееся воображение» выведет «горящим перстом» «на сердце» его детей и всех честных людей «последнее <...> к ним слово» (III, 341) опять-таки в форме письма — незавершенную повесть [«Положив непреодолимую преграду...»]. Поистине его литература была его письмами.

Найденная Радищевым форма, отражающая характер мышления писателя, оказывается для него универсальной: в той же манере письма создаются политико-экономический ([«Письмо о Китайском торге»]) и философский («О человеке, о его смертности и бессмертии») трактаты, серьезная экономическая работа

²⁸ Гуковский Г. А. Радищев как писатель, с. 164—165.

²⁹ См. главы «Чудово», «Зайцово».

³⁰ См. главы «Хотиллов», «Выдропуск», «Медное».